

УДК 321

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_10

НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ «ВОЛНА» И ЕЕ ИСТОКИ**Игорь Владимирович Чайко,**Российский государственный
социальный университет,
Москва, Россия,
ivchaiko@mail.ru*Получена 03.03.2025.**Поступила после рецензирования 05.05.2025.**Принята к публикации 09.06.2025.*

Для цитирования: Чайко И.В. Неопатримониальная «волна» и ее истоки // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 3. С. 10–25. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_10

Аннотация

Данная статья посвящена изучению причин усиления патримониальных и неопатримониальных тенденций в современном мире. В центре внимания автора – содержание концепции патримониализма М. Вебера и возможности ее современных интерпретаций. В статье рассматриваются особенности различных форм патримониализма и механизмы «рутинизации» харизмы, способствующие возникновению современных неопатримониальных режимов. Автор анализирует различные определения термина «неопатримониализм» и классификации неопатримониальных систем, разработанные российскими и зарубежными учеными. Особое внимание уделено различиям «регулируемых» и «хищнических» форм неопатримониализма, а также понятию «developmental neopatrimonialism» (неопатримониализм, ориентированный на развитие). С этих позиций описываются процессы, связанные с усилением неопатримониальных тенденций в различных странах мира. Автор доказывает, что современная патримониальная «волна» вызвана, прежде всего, глобальным кризисом капиталистической системы и беспрецедентным ростом социально-экономического неравенства. Даже в экономически развитых странах растущая стагнация доходов среднего класса дискредитирует идею «административного государства». Именно осознание данных проблем имело следствием рост политического традици-

© Чайко И.В., 2025

онализма и усиление поддержки харизматических лидеров, воплощающих данный глобальный тренд. В этой связи исследователи отмечают рост «авторитарного популизма» даже в странах с развитыми либерально-демократическими системами, включая США, Великобританию, Израиль и другие. Однако для описания этих процессов оппозиция «авторитаризм – демократия» должна быть дополнена веберовской дилеммой «традиционный – рациональный». Такой подход, по мнению автора, является наиболее адекватным для осмысления причин и направленности происходящих политических трансформаций. Ярким примером эффективного применения неопатримониальных практик является современная Россия, опыт которой активно используется сегодня другими странами при решении сложных задач государственного и национального строительства.

Ключевые слова:

Макс Вебер, патримониализм, неопатримониализм, авторитарный популизм, политическая трансформация

UDC 321

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_10

THE NEOPATRIMONIAL “WAVE” AND ITS ORIGINS

Igor V. Chaiko,

Russian State Social University,
Moscow, Russia,
ivchaiko@mail.ru

Received 03.03.2025.

Revised 05.05.2025.

Accepted 09.06.2025.

For citation: Chaiko, I.V. (2025). The Neopatrimonial “Wave” and its Origins. *Discourse-P*, 22(3), 10–25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_10

Abstract

This article is devoted to the study of the causes of the strengthening of patrimonial and neopatrimonial trends in the modern world. The author focuses on the content of M. Weber’s concept of patrimonialism and the possibilities of its modern interpretations. The article examines the features of various forms of patrimonialism and the mechanisms of “routine charisma” that contribute to the emergence of modern neopatrimonial regimes. The author analyzes various definitions of the concept of “neopatrimonialism” and classifications of neopatrimonial systems developed by modern scientists. Special attention is paid to the differences between “regulated” and “predatory” forms of neopatrimonialism, as well as the concept of “developmental neopatrimonialism”.

The author proves that the modern patrimonial “wave” is caused, first of all, by the global crisis of the capitalist system and the unprecedented growth of socio-economic inequality. It was the awareness of these problems that led to the growth of political traditionalism and increased support for charismatic leaders embodying this global trend. In this regard, many authors note the growth of “authoritarian populism” even in countries with developed liberal democratic systems, including the United States, Great Britain, Israel and others. However, to describe these processes, the opposition “authoritarianism-democracy” must be supplemented by the Weber dilemma “traditional – rational”. This approach, in our opinion, is the most appropriate for understanding the causes and direction of the ongoing political transformations. A striking example of the effective application of neopatrimonial practices is modern Russia, whose experience is actively used today by other countries in solving complex problems of state and national construction.

Keywords:

Max Weber, patrimonialism, neopatrimonialism, authoritarian populism, political transformation

Введение

Центральной проблемой современной политологии является отсутствие научной концепции, способной объяснить механизмы, тенденции и перспективы мирового политического развития. Крушение коммунистической доктрины, равно как и последовавший за этим «конец парадигмы транзита» (Carothers, 2002) заставляют ученых пересмотреть исследовательские подходы, основанные на оппозиции «демократия – авторитаризм» и обратиться к поиску новых теоретических средств, способных адекватно отразить современные политические реалии. Одним из результатов таких поисков стал постоянно растущий интерес к исторической социологии Макса Вебера и, в частности, к разработанной им концепции патримониализма, изложенной в фундаментальном труде «Хозяйство и общество».

Основополагающей категорией веберовского учения выступает понятие «рациональность», которое трактуется как «идеальный» тип, не достижимый в эмпирической реальности. Тенденция к росту формальной рациональности, согласно Веберу, есть движение самого исторического процесса, главным результатом которого стало формирование современного индустриального общества. Любые другие типы обществ, существовавшие до эпохи европейского Модерна или вне его влияния, Вебер называет «традиционными»; их важнейший признак – отсутствие примата формально-рационального начала (Гайденко, 1990, с. 22).

Такое понимание традиции лежит в основе описанной М. Вебером системы традиционного властвования. «Традиционным, – пишет Вебер, – следует называть господство, легитимность которого опирается и полагается на святость издавна существующих порядков и властных господских полномочий (Herrengewalten)». При этом «Повиновение осуществляется не формальным предписанием, а определенной личности, которая устанавливается традицией или выбирается правителем и приказание которой являются легитимными...» (Вебер, 2007, с. 150, 151).

Результаты исследования

1. Концепция патримониализма М. Вебера и процесс «рутинизации» харизмы

В качестве наиболее ранних форм традиционного господства Вебер называет патриархализм и геронтократию, имеющие многие общие черты. Определяющим, по мысли Вебера, является то, что в обоих случаях полностью отсутствует личный («патримониальный») административный аппарат управления, формирование которого ведет к становлению качественно иной формы традиционного господства – патримониальной (от лат. *patrimonium* – наследство, родовое имущество) (Вебер, 2007, с. 155). Процесс патримониализации, по Веберу, связан с тем, что «получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее... В ряде пограничных случаев должность может быть наследственной или отчуждаемой, подобно любой другой собственности» (Вебер, 1994, с. 70). В целом по мысли Вебера, патримониальное господство вполне традиционно, даже если оно осуществляется на основании собственного права. «Там же, где патримониальное господство основывается на свободном от традиционных ограничений произволе, оно становится султанским» (Вебер, 2007, с. 156).

Иная ситуация возникает в случае, когда штаб управления формируется из «экстрапатримониально рекрутируемых» людей, находящихся в договорных отношениях с «сеньором». В этом случае постепенно формируется особая система управления – «патримониальная бюрократия», при которой все зависит от личных связей, услуг и привилегий чиновников. В этих условиях тенденция к присвоению служащими своих должностей и привилегий становится едва ли не главной чертой патримониально-бюрократического правления. Одновременно происходит конституционализация новых административных органов, которые чиновники рассматривают как свою вотчину и источник паразитарных доходов. Если правитель не в силах противостоять этим тенденциям, укрепшая бюрократия становится практически несменяемой и превращается в новое привилегированное сословие (Вебер, 2016, с. 318). В этой связи Вебер выделяет еще один тип традиционного господства – сословно-патримониальный, при котором определенные полномочия господина и соответствующие экономические возможности апроприированы штабом управления. В своих работах М. Вебер подчеркивал, что если при «чистом» патримониализме налицо полное отделение управляющих от средств управления, то при сословном патримониализме, наоборот, управляющие владеют средствами управления целиком или в существенной части. Такая система организации власти обычно закрепляется правовыми нормами либо заключением соответствующих договоров, определяющих права и полномочия каждой из сторон (Вебер, 2016, с. 270, 272).

Неограниченная власть патримониального правителя не способствует экономическому росту, поскольку она, как правило, подавляет свободу предпринимательства и препятствует развитию рынка. Однако содержание управленческого аппарата, армии, других служб всегда требовало финансовых затрат, средства для которых обычно поступали за счет торговых пошлин. Вследствие

этого для патримониализма всегда была характерна тенденция к монополизации внешней торговли и других наиболее прибыльных видов хозяйственной деятельности. В целом Вебер делает выводы о том, что развитие капиталистических отношений в условиях патримониальной власти либо полностью тормозится, либо тяготеет к области «политически ориентированного капитализма» (Вебер, 2007, с. 160, 162).

В силу этих особенностей патримониальных систем эволюция феодальных отношений в разных странах шла различными путями. В одном случае имело место укрепление сословной системы отношений, политико-правовой формой которых являлись сословно-представительные монархии либо (в случае деградации института наследственной власти) феодальные республики, эволюция которых привела в итоге к утверждению конституционализма и формированию современных либерально-демократических систем. Однако для многих других стран доминирующей тенденцией явилось формирование не сословного, а самодержавно-деспотического государства, становление которого сопровождалось полным подавлением суверенитета местной земельной аристократии. Результатом этих процессов стало утверждение абсолютной монархии, то есть верховной, суверенной власти одного лица, не ограниченной правовыми, этическими, религиозными и иными нормами (см.: Вебер, 2007, с. 163).

Вместе с тем Вебер отмечал, что одновременно с возвышением абсолютизма происходила постепенная передача «княжеского самовластия» профессиональному чиновничеству. «Поэтому не случайно, – писал он, – что современная управленческая история Запада точно так же начинается с развития коллегиальных учреждений профессиональных чиновников, как начинался (хотя и в несколько ином роде) и любой устойчивый порядок патримониального, сословного, феодального или иного традиционного политического союза» (Вебер, 2016, с. 317).

В этой связи Вебер не проводит резкой границы между патримониальной бюрократией и современным рациональным чиновничеством, подчеркивая, что элементы традиционализма могут быть найдены повсюду в несложных формах патримониального правления. Это нашло отражение в веберовской концепции «рутинизации» харизмы, которая выражается в апроприации власти и возможностей дохода группой соратников и последователей вождя при упорядочении системы рекрутирования новых членов правящей группы. При этом штаб управления может сам поощрять создание и апроприацию индивидуальных позиций и возможностей дохода для своих членов, что способствует патримониализации и бюрократизации органов управления. В таком случае согласно Веберу имеет место превращение соратников харизматического лидера в служащих, а выполняемых ими поручений – в официальные учреждения. Однако данный процесс может развиваться в двух направлениях: 1) преимущественно патримониализации, либо 2) преимущественно бюрократизации. «Первое является правилом повсюду, второе встречается в Античности или в Новое время на Западе, реже и только как исключение – в другие эпохи», – писал М. Вебер (Вебер, 2016, с. 288).

«Рутинизация» харизмы, по мысли М. Вебера, приводит к тому, что возникший в определенных условиях харизматический союз постепенно трансформируется в другие формы повседневного господства – патримониального,

сословного или бюрократического. В этой связи репатримонизация системы государственного управления также выступает вполне объективным явлением. «Как только харизматическое господство лишается острого эмоционального характера веры... союз харизмы и традиции становится пусть и не единственно возможным, но... безусловно предпочтительным, а чаще всего неизбежным», – писал немецкий мыслитель (Вебер, 2019, с. 192).

2. Неопатримониальные режимы и их особенности

Обоснованная М. Вебером концепция патримониализма стала основой целого ряда неопатримониальных теорий, разработанных в 60–70-х гг. XX в. в трудах таких ученых, как Г. Рот, С. Эйзенштадт, Г. Хигер, Ж. – Ф. Медар, К. Клэпхэм, М. Браттон и Н. ван де Валле, Р. Теобальд и др. (см.: Фисун, 2010). Первоначально данные теории имели целью объяснить пути политического развития стран, освободившихся от колониальной зависимости. Одним из основоположников данного научного направления стал С. Эйзенштадт, по мнению которого, неопатримониализм возникает как следствие неудавшейся модернизации стран третьего мира и несет в себе как традиционные, так и современные элементы. Характеризуя принципиальные различия между традиционными, модернизированными и неопатримониальными системами, Эйзенштадт указывал на существенные различия таких форм политической организации с очевидной тенденцией «к более сложным, бюрократическим или партийным организациям в современных обществах» (Eisenstadt, 1973). При этом ученый подчеркивал, что неопатримониализм – это не «переходная», а законченная и довольно устойчивая форма политического режима, которая может воспроизводиться длительное время. Другой исследователь неопатримониализма, Гюнтер Рот, отмечал, что «чистый» патримониализм основан на традиции либо на личной харизме правителя, тогда как в основе неопатримониального правления лежат исключительно материальные интересы бюрократического аппарата. Кроме того, Г. Рот выступал против отождествления неопатримониализма с авторитарными режимами, указывая, что данная категория «относится прежде всего к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума» (т. е. в диапазоне «авторитаризм – демократия») (Roth, 1968, p. 196).

В целом исследователи, как правило, трактуют неопатримониализм как одну из разновидностей политических режимов, характерных для модернизирующихся обществ. При этом в зависимости от условий конкретной страны, данный тип режима может рассматриваться как «переходный» к демократии либо, напротив, выступать ее антиподом. Так, например, Н.С. Розов пишет, что «основное обиталище неопатримониализма – среди гибридных режимов, то есть авторитарных политических устройств, только рядящихся в одежды демократии» (Розов, 2015, с. 170). Александр Фисун в своих работах выделяет уже несколько типов неопатримониальных режимов – султанистский, олигархический, бюрократический; для описания перспектив политического развития Украины он даже ввел понятие «неопатримониальная демократия» (Фисун, 2011).

Разрешению принципиальных противоречий между различными взглядами на неопатримониализм, которые условно можно назвать «пессимисти-

ческими» либо «оптимистическими», способствует концепция Даниэля Баха, предложившего различать регулируемые (regulated) и хищнические (predatory) формы неопатримониализма, отличающиеся, прежде всего, содержанием используемых патримониальных практик. При регулируемой форме неопатримониализма система распределения ресурсов ориентирована, прежде всего, на согласование интересов различных групп, в том числе этнических (Кения в период правления Джомо Кениаты (1964–1978); Кот’д-Ивуар при Феликсе Уфуэ-Буаньи (1960–1993)). Ярчайшими примерами хищнической формы неопатримониализма служат режимы Ж. Бокасс в ЦАР (1966–1979) и С. Мобуту в Заире (1965–1997), которые, согласно Д. Баху, могут быть отнесены к одному из веберовских «идеальных типов» – султанизму в его крайней, экстремальной форме (Bach, 2011, p. 279).

В целом разделение неопатримониальных систем на регулируемые и хищнические позволяет объяснить различные отличия результатов их функционирования. Если в одних случаях использование неопатримониальных практик ведет к кризисам, войнам, утрате суверенитета, то в других, напротив, оно создает условия для устойчивого экономического роста, политической модернизации, укрепления государственности. Такие выводы ставят под сомнение расхожие утверждения о том, что неопатримониализм – это синоним традиционности, политической и экономической отсталости. Напротив, многочисленные примеры (опыт Китая, Сингапура, Южной Кореи, Бразилии, Мексики) говорят о том, что неопатримониальные практики могут быть необходимым условием для обеспечения устойчивого экономического роста и решения задач современного инновационного развития. Для характеристики политических и экономических систем таких стран сегодня нередко используется специальный термин – «developmental neopatrimonialism», то есть неопатримониализм, ориентированный на развитие (Kelsall et al., 2010).

Такой подход направляет исследователей на изучение феномена неопатримониализма в ином ракурсе, концентрируя внимание, прежде всего, на неформальных управленческих практиках, обусловленных культурно-историческими особенностями конкретной страны. В отечественной литературе данная точка зрения наиболее полно изложена в работах Вячеслава Марачи и Сергея Беспалова, согласно которым, концепция неопатримониализма «открывает более широкий взгляд на такие проблемы, как роль государства в экономике, соотношение власти и собственности, национальная модель демократии, позволяя адекватно осветить и разумно использовать успешный опыт стран БРИКС и некоторых стран АТР (Япония, Южная Корея, Сингапур, Малайзия и т.д.)»¹.

Глобальная трансформация систем государственного управления, как отмечают эти ученые, связана с реализацией трех основных моделей: классической веберовской модели «рациональной бюрократии», проектно-целевой модели «Нового государственного управления» (NPM) и социально-сетевой

¹ Maracha, V. & Bespalov, S. (2021). Neopatrimonial Model of Public Administration and its Transformation in the Context of Global Uncertainty. *EPJ Web of Conferences*. Retrieved May 18, 2024, from <https://doi.org/10.1051/epjconf/202124803003>

модели «Нового Управления». В управленческой практике стран Запада эти три модели, выражающие, соответственно, идеи «сильного», «эффективного» и «инклюзивного» государства, не отменяли, а наслаивались и дополняли друг друга. Однако в России три базовые модели госуправления работают совершенно иначе, чем в странах Запада, и вместо «наслаивания» и движения «вверх» имеет место бесконечная «спираль» реформ и контрреформ. При этом использование как «классической», так и современных концепций госуправления существенно затруднено в связи с незавершенностью процессов формирования отечественной «рациональной бюрократии» и нерешенностью проблем предыдущих исторических этапов. Все это дает авторам основания описывать российскую модель госуправления в свете веберовской концепции патримониализма и основанных на ней неопатримониальных теорий. Впрочем, такую точку зрения разделяют сегодня и многие другие ученые. Так, например, Нил Робинсон, анализируя причины взаимозависимости власти и собственности в России, обозначает современный российский режим как неопатримониальный (Robinson, 2013). К похожим выводам приходят и другие исследователи, указывая на такие неопатримониальные черты постсоветского режима, как особая роль неформальных практик, частичное их восстановление через институт президентства, слияние государства и власти, функционирование ближнего круга президента вне формальных правил и др.

Разделяя, в основном, эти представления, В. Марача и С. Беспалов предложили оригинальную концепцию перераспределительного (редистрибутивного) неопатримониализма, наиболее адекватно, по их мнению, описывающую состояние институтов государственной власти в России и перспективы их дальнейшей эволюции. Такая модель, по мнению авторов, во многом соответствует перераспределительному характеру базовых институтов управления, а также социокультурным характеристикам российской «институциональной матрицы», успешно перестраивающей «под себя» заимствованные на Западе образцы. Согласно этим ученым, российская модель неопатримониализма включает «неформальное ядро и формальную периферию системы государственных институтов», тогда как в классических «нормативных» моделях ситуация обратная: «ядро является формальным, в то время как периферия носит неформальный характер» (Maracha, Bepalov, 2021, p. 3).

Перспективы эволюции российской институциональной модели управления авторы описывают, опираясь на идеи О. Бессоновой, выдвинувшей в 2019 году «интегрально-институциональную» парадигму социально-экономического развития России. Ключевая институциональная дилемма современности с этих позиций – не социалистический (плановый) или капиталистический (рыночный) способы производства, а «квазирынок» или «контрактный раздаток». На основе противопоставления этих альтернатив О. Бессонова обосновывает необходимость перехода России к новой институциональной модели «с целью преодоления системного институционального кризиса квазирынка». В качестве основных этапов этого институционального цикла она называет: 1) перинатальную фазу; 2) структурированную фазу; 3) фазу институционального истощения; 4) трансформационную фазу (Бессонова, 2019).

Данный цикл институционального развития России был переосмыслен исследователями в контексте описанных выше глобальных изменений в сфере госуправления и представлен формулой «мобилизационная система – стагнация – неопатримониализм – обновленная мобилизационная система» (Maracha & Beshpalov, 2021, p. 8). Таким образом, «редистрибутивный неопатримониализм» представляется фазой в общем трансформационном цикле. Если прежняя (советская) мобилизационная система основывалась на принципах иерархической организации и коллективизма, а нынешняя неопатримониальная – на принципах рыночной организации и индивидуализма, то обновленная мобилизационная система, по мнению авторов, будет строиться с учетом принципов открытой сетевой организации и солидаризма. Однако при этом актуализируются вопросы о том, как будут реализовываться прежние функции законодательной, исполнительной и судебной властей – то есть вопросы о новой модели системы институтов.

Решение сложных проблем институциональной трансформации режима предполагает, по мнению авторов, три основных сценария: 1) радикальную модернизацию экономической, политической систем в целях реализации базовых моделей развитых стран Запада; 2) консолидацию неопатримониальной системы «как стабильной формы организации экономики, политики, идеологии и государственного управления с трансформацией неопатримониализма в “новую норму” (“new normality”)»; 3) переход к модели Public administration 3.0 как интегральной форме организации общественного и государственного управления в рамках обновленной мобилизационной системы (Maracha & Beshpalov, 2021, p. 9).

При этом как отмечают В. Марача и С. Беспалов, дальнейшая консолидация неопатримониальной системы в современной России является не только самым вероятным, но и наиболее перспективным сценарием, открывающим широкие возможности для успешного социально-экономического и политического развития страны. Кроме того, данный подход позволяет отказаться от идеи «догоняющей модернизации» как повторения пути развитых стран Запада и рассматривать трансформации современных обществ в совершенно иной теоретической перспективе (см. Maracha & Beshpalov, 2021, p. 6).

3. Современная патримониальная «волна» и роль России

Представления о высокой устойчивости и эффективности неопатримониальных систем разделяют сегодня многие ученые. Все активнее утверждается мысль о том, что становление различных форм неопатримониализма является мировым трендом, характерным не только для трансформирующихся обществ, но и для многих стран Запада. При этом как отмечают исследователи, современные демократии «гибнут» не в результате военных переворотов, как это происходило в 60–70-х гг. XX в., а в результате деятельности демократически избранных руководителей, которые сами демонтируют демократические институты, приведшие их к власти. Так, например, авторы книги «Как умирают демократии» (2018) Стивен Левицкий и Даниэль Зиблатт отмечают, что после окончания холодной войны законно избранные лидеры подрывали демократические институты в таких странах как Грузия, Венгрия, Никарагуа, Перу, Филиппины, Польша, Россия, Шри-Ланка, Турция и Украина. При этом «из-

бранные автократы» в разных странах используют во многом схожие стратегии проведения реформ, превращая государственные институты в инструменты сохранения и укрепления собственной власти.

Особую тревогу у авторов книги вызывает деградация институтов демократии в Соединенных Штатах Америки. Они отмечают, что разрушение демократических норм в США началось в 80–90-х гг. XX в. и ускорилось в 2000-е годы, а победа Д. Трампа на выборах 2016 г. еще более обострила эти процессы. В результате этой победы США впервые возглавил человек без опыта работы на государственной должности и с явными авторитарными тенденциями. Во многом схожие процессы наблюдаются и в других странах мира. «Популистские» правительства, согласно авторам исследования, складываются сегодня в Венгрии, Турции и Польше; антидемократические партии добились значительных успехов на выборах в Австрии, Франции, Германии, Нидерландах и ряде других стран Европы. Все это приводит к выводам о том, что «демократия может оказаться под угрозой во всем мире – даже там, где ее существование долгое время считалось само собой разумеющимся» (Levitsky & Ziblatt, 2018).

Однако наиболее ярко причины кризиса современной либеральной демократии описали американские ученые Стивен Э. Хэнсон и Джеффри С. Копштейн в статье под названием «Понимание глобальной патримониальной волны» (2021). По мнению этих авторов основная тенденция смены режимов за последнее десятилетие заключалась не просто в переходе от демократических институтов к авторитаризму, но, точнее, в «волне» патримониализма, распространяющейся как в автократических, так и в демократических странах. В этой связи авторы отмечают, что традиционное для политической компаративистики Запада противопоставление авторитаризма и демократии должно быть дополнено еще одним измерением: «патримониализм versus бюрократия» (Hanson & Kopstein, 2021, p. 5).

Основными причинами новой патримониальной «волны» Хэнсон и Копштейн считают очевидную несостоятельность неоллиберальной модели глобализации, попытки реализации которой лишь усилили рост социально-экономического неравенства в мире. Результатом этих процессов стали заметные изменения в распределении богатства во всех капиталистических странах, причем наиболее масштабные диспропорции наблюдаются в Соединенных Штатах Америки. Растущее неравенство и стагнация доходов среднего класса дискредитирует в глазах общественности идею «административного государства», способного эффективно функционировать на рационально-правовой основе. Все это создает благодатную почву для распространения антилиберальных движений и идеологий и открывает новые возможности для харизматических лидеров, в которых массы видят спасение от всепоглощающей бюрократизации и имперсонализма современного государства (см. Hanson & Kopstein, 2021, p. 6).

Однако харизматические формы легитимности крайне нестабильны, и политическая история XIX–XX вв. дает множество тому подтверждений. Только в отдельных случаях власть харизматического вождя обретает не только мифологические (идеологические, аффективно-эмоциональные), но и институциональные основания, что делает ее устойчивой и способной к самовоспроизводству (например, власть Папы римского). В таких случаях, согласно М. Веберу, про-

исходит «рутинизация» харизмы, которая изменяет свой характер: она традиционализируется или рационализируется (легализуется), причем и то и другое происходит одновременно, но в разных отношениях (Вебер, 2016, с. 283).

Описанные Вебером механизмы рутинизации харизмы и репатримониализации системы государственного управления вполне актуальны в современную эпоху. При этом рутинизация харизмы антилиберальных лидеров в большинстве случаев была почти полностью патримониальной, а не бюрократической – то есть основанной на верности вождю как воплощению интересов и надежд всего общества. В этой связи ученые предпочитают говорить не об усилении неопатримониальных тенденций, а о начале «глобальной патримониальной волны», характерной для современной эпохи. В центре внимания при таком подходе оказываются «неожиданные» случаи репатримониализации ряда современных стран, таких как Венгрия, Польша, Словакия, Чешская Республика, Израиль, Великобритания и даже США.

Таким образом, главную угрозу глобальной демократии Хэнсон и Копштейн – в отличие от С. Левицкого и Д. Зиблатта, – видят не в росте «авторитарного популизма», а в начавшейся волне «патримониальной легитимности», принявшей за последнее десятилетие поистине глобальный размах. При этом процессы репатримониализации, по мнению этих авторов, могут развиваться как в автократических, так и в демократических странах: в первом случае – посредством автократической «узурпации прежних конституционных норм», во втором – «путем создания патримониальных партий, которые приходят к власти на свободных и справедливых демократических выборах» (Hanson & Kopstein, 2021, p. 4).

Примечательно, что главным эпицентром современной патримониальной «волны», представляющей экзистенциальную угрозу для западной демократии, Хэнсон и Копштейн считают не само западное сообщество, а посткоммунистическую Россию, откуда, по их мнению, данная «волна» распространилась вначале на развивающиеся, а затем и на наиболее развитые страны. Однако такая трактовка политических процессов представляется абсолютно нелогичной и противоречащей утверждениям самих авторов о кризисе современного капитализма как системы глобального социально-экономического и политического неравенства. Главной опорой, «ядром» этой миросистемы (в терминологии И. Валлерстайна) всегда являлись страны исторического Запада (или «Севера»), где последствия кризиса ощущаются наиболее остро. В результате мы наблюдаем общий упадок основных институтов современного «административного государства», демонстрация которых связан с реализацией двух основных тенденций:

- либертарианской, главным олицетворением которой стал экстравагантный «человек с бензопилой» и приверженец анархо-капитализма Хавьер Милей, победивший на президентских выборах в Аргентине в ноябре 2023 г.;

- патримониально-консервативной, одним из выражений которой стало избрание премьер-министром Италии в октябре 2022 г. Джорджи Мелони – лидера правоцентристской партии «Братья Италии – Национальный альянс» (итал. Fratelli d'Italia – Alleanza Nazionale).

Однако наиболее ярким примером неопатримониальной трансформации бюрократических структур, согласно Хэнсону и Копштейну, является современ-

ная Россия. Они отмечают, что провал либерально-демократических реформ, осуществленных в начале 1990-х годов, имел следствием рост антилиберального этатизма, который пользовался все большей социальной поддержкой. При этом восстановление системы государственного управления и национального суверенитета России, фактически разрушенных в 1990-е годы, все более ассоциировалось с деятельностью харизматического лидера. В итоге, правление В.В. Путина стало представляться в общественном сознании как «кульминация всех проявлений сильной государственной власти на протяжении долгой истории России», а лояльность возглавляемому Путиным государству – как «долг каждого гражданина России, который заботится о единстве и выживании страны перед лицом враждебных внешних угроз». Конечным результатом данных процессов стала консолидация в России «нового мощного патримониального государства», оказывающего все более заметное влияние на происходящие в мире процессы (Hanson & Kopstein, 2021, p. 5, 6).

Вместе с тем интерпретация российской модели госуправления как исключительно патримониальной представляется достаточно спорной. На наш взгляд более уместно использовать в данном случае термин «неопатримониальный», поскольку речь идет о сочетании различных принципов легитимации, описанных М. Вебером – традиционного, харизматического, легального. Соответственно, можно говорить не о «репатримониализации» российского политического режима (как это делают С. Хэнсон и Дж. Копштейн), а о своеобразном «наложении» трех разных моделей государственного управления – патримониальной, рационально-бюрократической («классической») и рыночно-ориентированной, каждая из которых не исключает, а дополняет другие. При этом именно российская модель восстановления государственной власти и национального суверенитета рассматривается сегодня руководителями многих «незападных» государств в качестве действенной альтернативы, способной консолидировать сторонников нового, многополюсного мирового порядка, основанного на принципах равноправия и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Заключение

Осмысление изложенных выше процессов и тенденций позволяет сделать определенные выводы, суть которых сводится к следующим положениям:

1. Основные противоречия современной эпохи не могут быть адекватно описаны посредством противопоставления демократии и авторитаризма. Данное измерение политического процесса должно быть дополнено еще одним: неопатримониализм versus современное «административное» государство.

2. Наблюдаемая сегодня неопатримониальная «волна» охватывает страны не только с «гибридными» или автократическими, но и с либерально-демократическими режимами; особое внимание при этом привлекают процессы репатримониализации политических систем таких государств как США, Великобритания, Израиль, Польша, Чешская Республика и ряд других.

3. Основные причины нынешней неопатримониальной «волны» – глубокий кризис мировой капиталистической системы и несостоятельность неолиберальной модели глобализации. Растущее социально-экономическое неравенство

в мире и стагнация доходов среднего класса дискредитируют идею «административного государства», что открывает новые возможности для харизматических лидеров, в которых массы видят спасение от всепоглощающей бюрократизации и имперсонализма либерального государства.

4. В основе процесса репатримониализации лежат описанные М. Вебером механизмы «рутинизации» харизмы и бюрократизации системы государственного управления. Однако данный процесс может развиваться в двух разных направлениях преимущественно патримониализации либо рационализации. Как следствие, происходит усиление одной из противоположных тенденций патримониально-консервативной или радикально-либертарианской.

5. В России следствием радикальных либеральных реформ 1990-х гг. стал рост антилиберального этатизма и усиление поддержки харизматического лидера, обеспечившего восстановление суверенитета страны и эффективной системы государственного управления. Результатом развития этих тенденций явилась консолидация мощного неопатримониального государства, оказывающего все более заметное влияние на происходящие в мире процессы.

6. Перспективным вектором эволюции данной модели следует считать дальнейшую консолидацию российской неопатримониальной системы как эффективной формы организации политики, экономики и государственного управления, способной стать действенной альтернативой неолиберальной модели глобализации.

В целом изучение наиболее вероятных сценариев мирового политического развития показывает, что набор возможных альтернатив в обозримой перспективе относительно невелик. При этом достижение полиархии, как некой «идеальной» формы плюралистической демократии, описанной Р. Далем, можно отнести исключительно к сфере социальных утопий. Соответственно, выбор вариантов развития сводится, по сути, к обозначенной Т. Карозерсом дилемме: либо «бесформенный плюрализм» (либертарианский или анархический), либо режим «доминирующей власти». Стоит ли удивляться, что, по мере осознания данных перспектив, политические ориентации граждан в различных странах мира все более склоняются к некой «золотой середине» в форме современного неопатримониализма, столь пугающего либеральных ученых? Вместе с тем, такое смещение ценностных приоритетов позволяет по достоинству оценить уникальный опыт современной России, пример которой в сфере национального и государственного строительства может служить надежным ориентиром для многих участников современного международного сообщества.

Список литературы

1. Бессонова, О.Э. (2019). Контрактный раздаток и солидаризм – новая веха российской матрицы. *Мир России*, 28(1), 7–31. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31>
2. Вебер, М. (1994). Избранное. *Образ общества*. М.: Юрист.
3. Вебер, М. (2007). Традиционное господство. *Прогнозис*, (2), 150–165.
4. Вебер, М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей*

социологии: в 4 т. Пер. с нем. Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина (Т. I. Социология). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

5. Вебер, М. (2019). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: в 4 т. Пер. с нем. Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина (Т. IV. Господство). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

6. Гайденко, П. П. (1990). Социология Макса Вебера. В Вебер М. *Избранные произведения*. Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова (с. 5–43). М.: Прогресс.

7. Розов, Н.С. (2015). Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. *Полис. Политические исследования*, (6), 157–172. [https://doi.org/ DOI: 10.17976/jpps/2015.06.15](https://doi.org/DOI: 10.17976/jpps/2015.06.15)

8. Фисун, А.А. (2010). К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. *Политическая концептология*, (4), 158–187.

9. Фисун, А.А. (2011). Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития. *Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*, (8), 119–127.

10. Bach, D. (2011). Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth & Comparative Politics*, 49(3), 275–294. <https://doi.org/10.1080/14662043.2011.582731>.

11. Carothers, T. (2002). The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 13(1), 11–14. <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003>

12. Eisenstadt, S. N. (1973). *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London: Beverly Hills/CA: Sage Publications.

13. Hanson, St.E., & Kopstein J.S. (2021). Understanding the Global Patrimonial Wave. *Perspectives on Politics*, 20(1), 1–13. <https://doi.org/10.1017/S1537592721001195>

14. Kelsall, T., et al. (2010). Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa. *Africa Power and Politics. Working Paper*, (9).

15. Levitsky, S., & Ziblatt, D. (2018). *How Democracies Die*. London: Viking.

16. Maracha, V., & Beshpalov, S. (2021). Neopatrimonial Model of Public Administration and its Transformation in the Context of Global Uncertainty. *EPJ Web of Conferences*. Retrieved May 18, 2024, from <https://doi.org/10.1051/epjconf/202124803003>

17. Robinson, N. (2013). Economic and political hybridity: Patrimonial capitalism in the post-Soviet sphere. *Journal of Eurasian Studies*, 4(2), 136–145. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.003>

18. Roth, G. (1968). Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States. *World Politics*, 20(2), 194–206.

References

1. Bach, D. (2011). Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth & Comparative Politics*, 49(3), 275–294.

<https://doi.org/10.1080/14662043.2011.582731>.

2. Bessonova, O. Je. (2019). Kontraktnyj razdatok i solidarizm – novaja vеха rossijskoj matricy [Contractual distribution and solidarity – a new milestone of the Russian matrix]. *Mir Rossii*, 28(1), 7–31. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31>

3. Carothers, T. (2002). The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 13(1), 11–14. <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003>

4. Eisenstadt, S. N. (1973). *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London: Beverly Hills/CA: Sage Publications.

5. Fisun, A. A. (2010). K pereosmysleniju postsovetskoj politiki: neopatrimonial'naja interpretacija [Towards rethinking post-Soviet politics: a neopatrimonial interpretation]. *Politicheskaja konceptologija*, (4), 158–187.

6. Fisun, A. A. (2011). Ukrainskaja neopatrimonial'naja demokratija: formirovanie, specifika i tendencii razvitija [Ukrainian neopatrimonial democracy: formation, specificity and development trends]. *Ojkumena. Al'manah sravnitel'nyh issledovanij politicheskikh institutov, social'no-jekonomicheskikh sistem i civilizacij*, (8), 119–127.

7. Gajdenko, P. P. (1990). Sociologija Maksa Vebera [Max Weber's Sociology]. In Max Weber. *Izbrannye proizvedenija*. Ed. Ju. N. Davydova (pp. 5–43). Moscow: Progress.

8. Hanson, St. E., & Kopstein, J. S. (2021). Understanding the Global Patrimonial Wave. *Perspectives on Politics*, 20(1), 1–13. <https://doi.org/10.1017/S1537592721001195>

9. Kelsall, T., et al. (2010). Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa. *Africa Power and Politics. Working Paper*, (9).

10. Levitsky, S., & Ziblatt, D. (2018). *How Democracies Die*. London: Viking.

11. Maracha, V., & Bepalov, S. (2021). Neopatrimonial Model of Public Administration and its Transformation in the Context of Global Uncertainty. *EPJ Web of Conferences*. Retrieved May 18, 2024, from <https://doi.org/10.1051/epjconf/202124803003>

12. Robinson, N. (2013). Economic and political hybridity: Patrimonial capitalism in the post-Soviet sphere. *Journal of Eurasian Studies*, 4(2), 136–145. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.003>

13. Roth, G. (1968). Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States. *World Politics*, 20(2), 194–206.

14. Rozov, N. S. (2015) Teorija transformacii politicheskikh rezhimov i priroda neopatrimonializma [Theory of transformation of political regimes and the nature of neopatrimonialism]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, (6), 157–172. [https://doi.org/DOI: 10.17976/jpps/2015.06.15](https://doi.org/DOI:10.17976/jpps/2015.06.15)

15. Weber, M. (1994). *Izbrannoe. Obraz obshhestva* [Favorites. The image of society]. Moscow: Jurist.

16. Weber, M. (2007). *Tradicionnoe gospodstvo* [Traditional domination]. *Prognosis*, (2), 150–165.

17. Weber, M. (2016). *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii / sost., obshh. red. i predisl. L. G. Ionina: v 4 t. (T. I. Sociologija)*.

[Economy and Society: essays on understanding sociology. Ed. by L. G. Ionin: in 4 volumes. (Vol. I. Sociology)]. Moscow: HSE Publishing House.

18. Weber, M. (2019). *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii / sost., obshh. red. i predisl. L.G. Ionina: v 4 t. (T. IV. Gospodstvo)*. [Economy and Society: essays on understanding sociology. Ed. by L.G. Ionin: in 4 vol. (Vol. IV. Domination)]. Moscow: HSE Publishing House.

Информация об авторе

Игорь Владимирович Чайко, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, России, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1326-596X>, e-mail: ivchaiko@mail.ru

Information about the author

Igor Vladimirovich Chaiko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Social University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1326-596X>, e-mail: ivchaiko@mail.ru
